

УДК 316.46

В.С. Волегов

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРОСТРАНСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Представлены различные подходы к определению сущности профессионального самоопределения, а также социальных условий его реализации. Основываясь на методологическом аппарате теории полей и практик П. Бурдьё, автор описывает социальное пространство профессионального выбора учащихся высших учебных заведений г. Перми.

Ключевые слова: *профессиональное самоопределение, социальное пространство, социальное поле, социальный капитал, теория практик.*

Профессиональное самоопределение молодежи традиционно рассматривается как общественно значимый феномен: от повседневных представлений россиян до Федеральных государственных образовательных стандартов можно проследить декларацию высокой важности *правильного* (как правило, «в интересах государства и общества»), своевременного и осознанного выбора учащимися профессиональных целей [1]. Актуальность данной проблематики признается и в научной литературе. Тем не менее имеющиеся теоретико-методологические подходы к данному явлению, педагогические приемы его сопровождения все в большей степени подвергаются испытаниям на прочность. В условиях нестабильного, а зачастую даже не поддающегося фиксации рынка труда, постоянно усложняющейся социально-профессиональной структуры общества возникает вопрос о том, можно ли говорить о самоопределении в сфере труда как самостоятельном феномене и в каких формах оно может быть зафиксировано?

Целью статьи является попытка переосмысления понятия профессионального самоопределения через уточнение пространства его осуществления. В этой связи в изучении профессионального выбора можно выделить по крайней мере два этапа, связанных с изменением общесоциологических парадигм: переходом от классических концепций социального порядка Т. Парсонса к современным интерпретативным теориям деятельности [2].

Изменение подходов к изучению профессионального самоопределения теснейшим образом связано с развитием социологических концепций социального порядка. В классических представлениях социальный порядок описывается как «прочный установленный, объемлющий все общество без изъятия

© Волегов В.С., 2016

Волегов Владимир Сергеевич – аспирант кафедры культурологии и философии ФГБОУ ВПО «Пермский государственный институт культуры», e-mail: wsvolegov@mail.ru.

и стабильно воспроизводимый во времени» [3, с. 14], ему соответствуют стабильные и функциональные социальные институты, в пространстве которых индивиды взаимодействуют друг с другом. В этой связи профессиональное самоопределение – процесс, связанный с интеграцией молодого поколения в существующие социально-профессиональные структуры [4, с. 19].

Характерными чертами в рассмотрении профессионального самоопределения молодежи в этих условиях можно считать социологический реализм и примат интересов социального целого. Центральной проблемой исследований служат вопросы управления и оптимального распределения и максимального использования людских ресурсов в различных вариантах: от рассмотрения объективных социальных условий профессионального выбора как определяющих и проявляющихся в процессе самоопределения личности [5, с. 11] до вынесения самой личности, ее мотивов и интересов в разряд объектов профессионального самоопределения [6, с. 14]. В последнем случае происходит полное отождествление профориентации и самоопределения личности в сфере труда. Более того, подобный подход в крайнем своем выражении заставляет говорить не столько о самоопределении личности в сфере труда, сколько об адаптации к социально-профессиональной структуре общества.

В указанном подходе пространство профессионального самоопределения представлено двумя крупными институциональными областями: образованием и трудом. Именно в рамках и посредством образовательного процесса, по мысли советских обществоведов, у молодежи формировался образ будущего, происходило определение и закрепление профессионально и личностно значимых качеств. Финальной точкой оказывалась адаптация к конкретному рабочему месту и осуществление трудовых функций [6, с. 6–19].

Подобная жесткая модель пространства профессионального выбора едва ли может быть полностью реализована в условиях, которые все чаще характеризуются как «турбулентность», «риск», «революция» и др. При высокой неопределенности на рынке труда, изменении роли образовательных организаций, культурном полистилизме возникает необходимость в более плюралистичной модели социального порядка. В этой связи логичным выглядит обращение к теоретико-методологическому аппарату П. Бурдьё, позволяющему представить «социальный мир в виде многомерного пространства, сконструированного в соответствии с принципами различения и распределения совокупности активных свойств» [3, с. 15].

Согласно теории полей и практик П. Бурдьё, социальное пространство, состоящее из совокупности взаимосвязанных полей, вписано одновременно в объективные социальные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур. По логике Бурдьё, пространство представляет собой конгломерат социальных

полей, каждому из которых «соответствует определенный вид капитала, имеющий хождение в данном поле как власть или как ставка в игре» [7, с. 16]. Акторы, находящиеся в социальном поле (студенты, абитуриенты, преподаватели и т.д.), сообразно имеющемуся капиталу, вступают в необходимые социальные отношения. Посредником между социальными отношениями и агентами в данной теории является габитус – результат интериоризации объективных социальных отношений и необходимое субъективное условие практик одновременно.

Габитус, по мнению Бурдьё, производит и структурирует практики и представления таким образом, что они оказываются объективно адаптированы к системе социальных отношений. По определению Бурдьё, «агенты никогда не бывают свободны, но никогда иллюзия свободы (или отсутствия принуждения) не бывает столь полной, как в случае, когда они действуют, следуя схемам своего габитуса, т.е. объективным структурам, продуктом которых является сам габитус: в этом случае агенты ощущают принуждение не более чем тяжесть воздуха» [8, с. 559].

Таким образом, для рассмотрения профессионального самоопределения как системы практик необходимо выделение тех социальных полей, в которых данные практики происходят и, как следствие, тех диспозиций и разновидностей капиталов, которые реализуются и конвертируются в практиках. В данном случае рассмотрение полей и практик профессионального выбора осуществляется на основе 20 фокусированных интервью со студентами высших учебных заведений г. Перми.

При анализе полученного в ходе интервью материала высказывания информантов, относящиеся к тем или иным институтам и организациям, выделялись в отдельные секвенции или элементы текста, содержащий внутренне законченный тематический сюжет [9, с. 178]. В рамках каждой секвенции выделялись отдельные категории, в том числе отражающие специфические для каждого поля практики и виды капиталов. Выделенные блоки в значительной степени совпадают с традиционным описанием пространства профессионального выбора: образовательные институты (образовательные организации общего и высшего профессионального образования) и труд. В качестве дополнительной секвенции рассматривалась досуговая деятельность информантов, т.е. не связанная с обучением и профессиональным трудом занятость. Именно этими областями значений в значительной степени описывается процесс социального самоопределения.

Тем не менее распределение основных капиталов и мотивов практических действий информантов позволяет дифференцировать практики информантов исходя из других оснований. На основе собранного эмпирического материала можно сделать вывод о наличии четырех связанных между собой социальных полей, определяющих специфические практики: поля формаль-

ных норм, карьерных планов, поле самоактуализации и поле символического потребления.

Поле формального исполнения институциональных норм строится вокруг явных и формально оформленных функций институтов и организаций: освоения учебного плана применительно к образованию, получения денег из трудовой деятельности и т.д. В образовательном процессе взаимодействие в этом поле осуществляется между учащимися, преподавателями и формальными нормами, представляемыми администрацией учебного заведения. Выполнение формальных обязанностей (исполнительность как своеобразный капитал), связанных с пребыванием в вузе, при этом может считаться обязанностью (*Интервью 1*: «...а здесь я не понимаю: парень моего возраста может прогуливать пары, не считая, что это ниже его достоинства») или своеобразной платой за доступ к иным видам капитала: как минимум за получение диплома. В осуществляемой трудовой деятельности инструментальные цели связаны с финансовым обеспечением собственных расходов и не пересекаются со сферой интереса (*Интервью 2*: «...мне нужно получать какие-то деньги, которые нужно потратить на свои нужды <...> Мне пока совершенно не нравится работать, это не интересно, не весело, но я делаю это вынуждено»).

Поле карьерных планов и устремлений направлено на конструирование, подготовку будущей профессионально-трудовой траектории, вхождение в референтную группу. Цель данных практик выходит за рамки непосредственного процесса обучения и связывается с несколькими составляющими. Прежде всего это получение необходимых для практической деятельности навыков (*Интервью 3*: «...пришел сюда получать образование историка, а не историю учить»). На основании связей с планируемой специализированной деятельностью проходит очередное разделение предметов: в восприятии студентов появляются курсы нужные и не нужные, с различным отношением к ним. Сходным образом выстраивается и отношение к преподавателям: они оцениваются с точки зрения их практического опыта в значимых для респондента областях.

В контексте профессионального самоопределения студентов особое значение приобретает пересечение трудовой сферы и поля карьерных планов и устремлений. Описывающие его эмпирические категории и первичные коды интервью описывают как отношение и оценку уже имеющейся работы с точки зрения трудовой и профессиональной адаптации, так и мнения и суждения информантов, пока не имеющих таковой практики. Объединяет их одно: ориентация на связь получаемой специальности и будущей профессиональной траектории, т.е. подработка во время учебы оказывается синонимом получения практических навыков.

Характерными чертами данного фрагмента социального пространства является то, что для трудового дебюта информантами выбираются такие мес-

та работы, которые максимально близки к желаемой карьерной цели, но не требуют формально подкрепленного уровня квалификации: «...есть отдел ПТО, он занимается документацией. Самое простое, на что берут студентов» (*Интервью 4*).

Основным капиталом для поля самоактуализации оказывается интерес индивида и его саморазвитие. В этой связи к делению предметов на требующие посещения или не требующие посещения добавляется новая классификация: интересно – не интересно: «Многие знания я не буду использовать, при этом они интересные» (*Интервью 6*). В данном контексте происходит оценка всех сторон жизни вуза, включая практики, внеурочную деятельность. В рамках данного поля обучение в вузе – время, позволяющее максимально полно реализовать собственные интересы и запросы: изучение иностранного языка, получение новых знакомств, посещение новых мест, освоение новых идей. И в этой связи студенты не используют прагматических критериев: «Я могу это делать, почему бы и нет?!? Может это в будущем мне как-то отзовется» (*Интервью 1*).

Второй вариант появления данного поля в материалах интервью – это выявление того, насколько та или иная деятельность может принести положительные эмоции. Одна из информанток так описывает свою занятость сетевой журналистикой: «мне очень интересно, меня все устраивает. Это просто... как бы, плюс в копилку моих знаний, я же развиваюсь, саморазвиваюсь, самореализовываюсь» (*Интервью 7*), «лично вот у меня вот есть неподдельная радость <...> меня это радует, я чувствуя, что я в какой-то там гонке, я чувствую раж такой, грубо говоря, и мне это нравится» (*Интервью 4*).

Однако помимо описанного выше примера положительной связи между трудовыми функциями и пространством самореализации оказывается возможной и отрицательная связь: подобного рода практика служит для того, чтобы информант определил сферу занятости как несоответствующую его интересам: «Я один день пробовал и понял, что это не мое. Один день я поработал в ресторане и понял, что это не мое совершенно <...> мне монотонный труд стал не интересен и я перестал ходить» (*Интервью 8*).

Поле символического потребления основывается на придании совершаемым актам символического характера, отражающего представления индивида о социальном статусе, престиже и успехе. Цели акторов не имеют прагматического или «материального содержания» [10, с. 12]. Представления об имиджевой неоднородности профессиональной структуры, а следовательно, и социальном характере выбора трудовой траектории были зафиксированы и в советских исследованиях проблем профессионального выбора, однако в настоящих условиях они оказываются более дифференцированными. В данном поле обучение в вузе рассматривается как подтверждение и демонстрация имеющегося статуса семьи и самого индивида. Несмотря на то, что

родители респондентов имеют разный уровень образования, практически все информанты были ориентированы ими исключительно на вуз. Во-первых, статусом наделяется само прилагательное «высшее» в названии учреждения. Эта превосходная степень переносится на все составляющие: знания, восприятие выпускников работодателями и окружающими: «Получить более широкое образование, более высокое. Я думал там более интересные предметы» (*Интервью 2*). Второй составляющей является статус вуза: «[название одного национального исследовательского университета] или [название другого национального исследовательского университета] – это же так престижно, это же так круто, там же все, господи!» (*Интервью 4*), «Это же престижно, и звучит, и диплом будет московский» – так характеризует свой выбор один из информантов (*Интервью 2*).

Поле символического потребления связано также и с наделением трудовой деятельности характеристиками престижа, и ее дальнейшего оценивания как символа успеха-неуспеха в оценке себя и окружающих: «некоторые люди, они после университета идут на низшую ступень, а я эту низшую ступень прошла в университете, то есть я эту страничку переверну» (*Интервью 2*). Подобным символическим значением наделяются оба выделенных выше аспекта труда: деятельность, не связанная с учебной, и получение дохода.

Второй элемент рассматривается как особо существенный для конструирования социального статуса у учащихся: для информантов он оказывается своего рода маркером взрослости. Как отмечает одна из опрошенных студенток, «это уже деньги, заработанные мной самой». Более того, отсутствие независимых источников дохода расценивается как девиация: «я не думаю, что нормально в таком возрасте зависеть от родителей» (*Интервью 9*).

Таким образом, профессиональное самоопределение оказывается встроенным в пространство формальных социальных образовательных и профессионально-трудовых институтов, однако не сводится к ним. Внутри выделенных институтов и сфер деятельности выделяются сегменты, обладающие специфическим содержанием – социальные поля, пересекающие институционализированные виды деятельности. К ним относятся поля формального исполнения институциональных норм и правил, карьерных устремлений, самоактуализации и поле символического потребления.

Применительно к образовательному пространству именно не связанные с формальными нормами и содержанием деятельности поля, как правило, оказывают наиболее сильное воздействие на формирование профессионального компонента в самоопределении личности. Более того, в ряде случаев ограничение практик индивида полем формального обучения вытесняет профессиональное самоопределение из актуальной повестки дня, провоцируя отложенный выбор.

Кроме того, следует отметить несколько важных моментов, связанных, во-первых, с согласованием элементов указанных полей, наслаивающихся на различные институциональные условия, а во-вторых, с согласованностью самих полей. При оценке внутренней согласованности поля оказывается, что капиталы, реализуемые в рамках полей, свободно перетекают и конвертируются независимо от институциональной основы. В качестве примера такого внутрислоевого взаимодействия можно рассматривать ситуацию, когда получение экономического капитала происходит посредством активной деятельности и успешности в поле формального получения образования (повышенные стипендии): «родители спросили, как с работой, я показал им чек со счета – там все понятно» (*Интервью 10*). В итоге, водораздел проходит не по линии организационных и институциональных условий, а между различными полями: у студентов не возникает прямой потребности в трудовом дебюте, независимо от возможности его связи с будущей профессией, а основные практики, связанные с профессиональным самоопределением (получение навыков, формирование специфической профессиональной идентичности), переносятся в рамки образовательного пространства.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что поля можно рассматривать как сообщающиеся между собой, в результате чего происходит конвертация одних видов капитала в другие, наиболее значимые для информантов; поля оказываются не конвергентными, и накопление капитала в одном мешает практикам в другом.

Пример первого типа взаимодействия хорошо иллюстрируется на уровне образовательных институтов: представление о будущем месте работы (если оно сформировано) определяет отношение к предметам и вычленимым из них навыки, диплом, соединяя поля образования с соображениями престижа, влияет на доступ к рабочим местам (для принятия на работу необходимо «махнуть дипломом с хорошими оценками»).

Второй вариант наложения полей описывает ситуацию, при которой деятельность одновременно в нескольких областях практического опыта оказывается невозможной либо рассматривается в качестве таковой самими респондентами: «честно, в этом году у меня выбор стоял, либо я посещаю все пары, получаю пятерки, получаю стипендию, либо я получаю, ну, какие-то практические навыки. В итоге я выбрала учебу, потому что еще не готова наплевать на учебу и работать» (*Интервью 2*). Иными словами, то, что эффективно в пространстве выполнения формальных требований образовательного стандарта оказывается малоприменимо для приближения к профессиональному идеалу и, тем более, не соответствует понятиям престижа и высокого статуса. Характерно, что символический капитал высшего образования получает все большую значимость, временами отдаляясь от собственно профессионального содержания. Иначе говоря, можно констатировать, что практики

профессионального самоопределения, локализованные в институтах образования и труда, реализуются в нескольких социальных полях, причем успешность в одном из них не означает успешность в остальных.

Таким образом, профессиональное самоопределение предстает как множество разнообразных практик субъектов по формированию планов карьерного развития и профессиональной идентичности, реализуемых в сложном социокультурном пространстве. В современных условиях атомизации социальной действительности оказывается невозможно локализовать его исключительно через институциональные и организационные условия среды, которые акторы определяют и используют по-своему. Основываясь на собранном фактическом материале, можно констатировать, что выделение социальных полей, во-первых, позволяет более детально описать диапазон мнений информантов о внешних организационных условиях, а во-вторых, оказывается основанием для дифференциации их установок.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования [Электронный ресурс]: утв. приказом М-ва образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413. – URL: <http://www.rg.ru/2012/06/21/obrstandart-dok.html> (дата обращения: 21.01.2016).
2. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. – М.: Аванти плюс, 2003. – 336 с.
3. Шматко М.А. Плюрализация социального порядка и социальная топология // Социологические исследования. – 2001. – № 9. – С. 14–19.
4. Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. – 1988. – № 2. – С. 19–26.
5. Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в ЭССР). – М.: Мысль, 1975. – 200 с.
6. Антипьев А.Г., Захаров Н.Н., Чумаков С.Я. Профессиональная ориентация в сельской школе: метод. рекомендации. – Пермь, 1977. – 79 с.
7. Бурдые П. Социология социального пространства: пер. с фр. / под ред. Н.А. Шматко; Ин-т эксперим. социологии. – М.; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
8. Бурдые П. Практический смысл: пер. с фр. / под ред. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
9. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998. – 292 с.
10. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. – 2005. – № 1. – С. 5–18.

Получено 10.12.2015

V.S. Volegov

THE APPROACHES TO DEFINITION OF THE SPACE OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

The article discusses different approaches to defining the essence of professional self-determination, as well as the social conditions of its realization. Based on the methodological apparatus of the theory of fields and practices by P. Bourdieu, the author describes the social space of a professional choice of students of higher educational establishments of the Perm city.

Keywords: *professional self-determination, social space, social field, social capital, practice theory.*

Volegov Vladimir Sergeevich – Postgraduate Student, Perm State Institute of Culture, e-mail: wsvolegov@mail.ru.